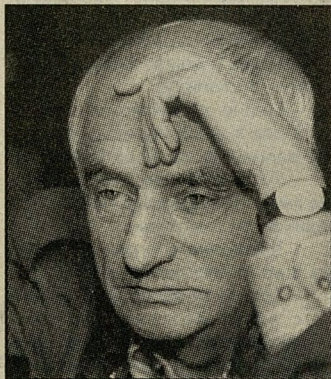

Юбилей

Живет между нами «сказочник — обыкновенное чудо»

Когда-то Ольга Берггольц посвятила Евгению Шварцу строки: «Не только в день этот праздничный, я в будни не позабуду: живет между нами сказочник - обыкновенное чудо. И сказочна его доля, и вовсе не шестьдесят. Лет ему - много более: века-то, века летят... Он ведь из мира древнейшего, из недр человеческих грез свое волшебство вернейшее, чудо свое нежнейшее к нашим сердцам пронес. К нашим сердцам, закованным в лед, тяжелей брони. Честным путем, рискованным, прошел, оживил, проник. И в самые темные годы от сказочника и поэта мы столько вдохнули свободы, мы столько видели света...» Эти стихи как нельзя более подходят для поздравления Марка Анатольевича Захарова, которому 13 октября исполняется 70 лет!

Окончание на 5-й стр.

Фото Михаила КОВАЛЕВА.

Мок. правда. - 2003. - 10 окт. - с. 15.

Живет между нами «сказочник — обыкновенное чудо»

Начало на 1-й стр.

Режиссер, сценарист, педагог, писатель, политический деятель — за долгие годы мы привыкли лицезреть Марка Анатольевича в самых разных ипостасях. Вся его жизнь — сплошная режиссура зигзагов и монтаж экстремальных ситуаций. Фильмы Захарова для нескольких поколений зрителей остаются желанными новогодними подарками. При этом личность самого режиссера рисуется в образе великого старца, за плечами которого «притаились века». Правда, нет, да и мелькнет в этом Мудреце нечто от Варвара и Еретика — юношеское, хулиганское, стремительное, с последующим вызовом, брошенным в зрительный зал. «Из-за такта — прямо по спящим мозгам...»

— Марк Анатольевич, в семьдесят, когда все «чайки» уже приручены и «драконы» укрощены, когда за спиной — тридцать лет работы в «Ленкоме», какие еще горизонты рисуются вашим «усталым режиссерским мозгом»?

— Тридцать лет в театре... Ужас... Страшно. Я когда-то думал, как же это можно — дожить до 2000 года? Но потом понял: если Всевышнему будет угодно, то можно не только дожить, но и подальше заглянуть в этот непредсказуемый и очень интересный век.

— Вы — лауреат Государственных премий СССР и РФ. Где храните свои награды?

— Есть у меня дома ящик, где лежат документы, выписки из указов, подлинники и копии. На стену я их не прищипливаю. Дома висят фотографии отдельных приятных, близких мне людей и памятные сцены из спектаклей, фильмов.

Был такой период, когда наш театр назывался еще Театром им. Ленинского комсомола, и мы получали второй орден за прошлые заслуги и за самое начало движения. И вот кто-то из руководства предложил мне выпилить из фанеры этот орден и прибить его у входа. Я тогда отказался от этой идеи. Она показалась мне не очень складной и уместной: с тех пор я опасался и боюсь показных акций визуального характера.

— Зато вы позировали художникам Шилову и Васильеву...

— Ну, надо через это пройти, получив и такого рода опыт в жизни. Больше того, мне даже два или три раза поступали предложения от скульпторов. Я отвечал: «Только на коне, только на коне». Ирония помогает в некоторых случаях, правда, иногда думаешь: «Неужели ее теряешь?»

— Видимо, забронзоветь вы не боитесь... А не страшно, что могут настать времена, когда будут хлопотать, как в свое время хлопотали Татьяне Ивановне Пельтцер — только за то, что великая актриса выходила на сцену? И уже не важно будет, что вы ставите и как...

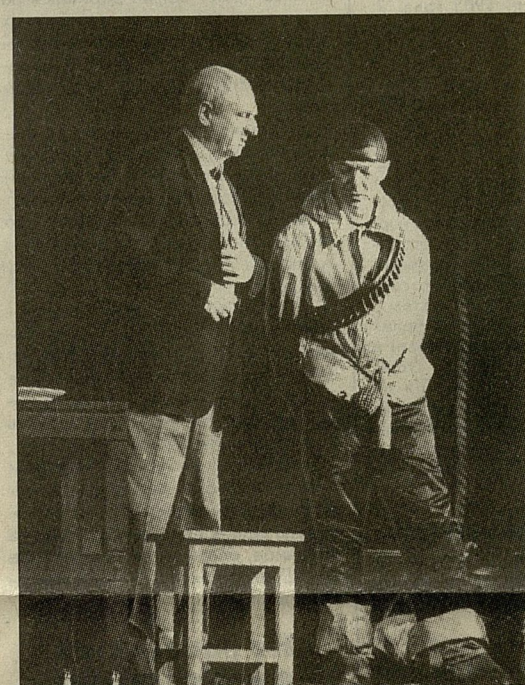
— Это извечный вопрос, когда уйти, как уйти и стоит ли уходить. Потому что вначале зарабатываешь себе имя, а потом имя начинает работать на тебя. Затем наступает состояние «пятьдесят на пятьдесят». А вот потом? Неизвестность... Леонид Сергеевич Броневой выходит на сцену, и через две секунды раздаются оглушительные аплодисменты. Но эти аплодисменты — не только результат театрально-сиюминутного явления в спектакле. К ним примешиваются «Семнадцать мгновений весны» — от этого нигде не уйдешь. Впрочем, может, и не надо нигде уходить. Хотя Леонид Сергеевич мне несколько раз говорил об изжоге от переизбытка визуальных акций, которые он совершил относительно этого блистательного сериала. Что, конечно же, не помешало самому сериалу

стать знаковым явлением нашей культуры и всерьез войти в историю как первый телесериал.

— Говорят, что актеров много преследуют по ночам кошмары: стоят они на сцене, а текст забыли. А чего боятся режиссеры?

— Если бы я сказал, что ничего не боюсь и у меня нет никаких болезней — в этом была бы какая-то самоуверенность, и это было бы неправильно. Человек должен сомневаться. В том числе и режиссер, который делает вид, что все знает. Есть такая претензия, что вроде бы мы, режиссеры, все знаем. Кроме того, есть еще и боязнь не повторить успех после удачного спектакля, фильма.

— Есть ли у вас завистники, которые ждут, что вы оступитесь?

— Ну, какая-то часть ждет, конечно. Вовне. Внутри как-то не очень выгодно, чтобы театр вдруг совершил какую-нибудь серьезную промашку. Но и внутри него, конечно, обидные есть, и их немало. Тут мы сталкиваемся вплотную с проблемой театральной иерархии. Театральная монархия должна сочетаться с некой театральной соборностью (если это российское понятие применимо к театру). Должен быть худсовет. Худсовет далеко не всегда хвалит режиссерские акции; иногда его мнение, напротив, очень полезная негативная информация, которой говорить спасибо и начинаешь над ней размышлять. В кругу, условно называемом «худсоветом», мы откровенно говорим все, что думаем. Но брать на себя ответственность и принимать окончательное решение все равно будет режиссер, поэтому худсовет на людях проголосует «за» — есть в театре такая договоренность. Это очень разумное с точки зрения нашей ментальности и нашего исторического и театрального опыта дело.

В худсовет входит ведущая часть актерского состава. Есть и сравнительно молодые люди. Но совсем молодых не вводим, потому что существует опасность в нашей профессии того, что «поедет крыша», когда на молодого актера обрушивается много всяческих радостных ощущений. Не все выдерживают. Я стараюсь в таких случаях заранее психотерапевтически воздействовать и предупреждать молодых актеров, объясняя, к чему может привести внезапное появление теле- и фотокамер, пристальное внимание журналистов, интересующихся всем, вплоть до утреннего меню.

— Вы писали в своей книге, что контакт с учеником, летящим на недостижимой для вас высоте, мог бы стать мгновенными величайшего счастья...

Выделяете ли вы сегодня кого-нибудь из ваших учеников?

— Ну, вот сейчас в Театре на Малой Бронной проходит проверку Роман Самгин, поставивший на нашей сцене «Укрощение укротителя». Это хороший экзамен — спектакль не у себя дома. Важно выиграть для другого коллектива, для другого зрителя и прийти назад уже в новом качестве...

— Вы по-прежнему продолжаете оставаться оптимистом?

— Я не раз говорил, что все люди, которые строят свою жизнь на основах иронии и юмора — все большие и в том числе великие комики — были людьми мрачными. Чарли Чаплина, например, очень не любили в Америке. Вот наш Евгений Павлович Леонов... Все думали, что он и в жизни такой, с широкой улыбкой — заходи, вместе выпьем — но на

самом деле это был совершенно другой человек, который набирал, копил энергию, чтобы потом ее материализовывать и воплощать на сценических подмостках.

Но с пессимизмом в обнимку долго жить в России невозможно. Наше сознание запрограммировано и организовано так, что мы верим: будут трудности, но потом обязательно все будет хорошо. Потом снова будут трудности — льды ли растают в Арктике или тундра изменит свой внешний облик, но потом все равно все снова будет хорошо. Потому что если совсем уходить в какие-то апокалиптические настроения, то жить будет трудно. Очень.

— Герой Игоря Квашы в вашей картине «Тот самый Мюнхгаузен» говорит, что в том, что он каждый день исправно ходит на службу, есть «что-то героическое». Что заставляет вас каждый день приходить в театр?

— Ну, какой-то долг... Перед собой, перед людьми, которых, как говорил Сент-Экзюпери, ты приручил.

— А как вы относитесь к тому, что «незаменимых людей не бывает»?

— В конечном счете да, но потом время все равно разбрасывается. Правда, когда в этом непосредственном времени существуешь реально, все бывает очень сложно.

— Дистанция между вами и вашими актерами с годами сокращается или увеличивается?

— Она приобретает какое-то новое качество. Я бы не сказал, что она просто сокращается, иначе есть опасность разрушения театральной иерархии, которую по завету Г. А. Товстоногова, надо соблюдать. (Хотя, конечно, до него об этом говорили.) На сцене с актерами мы всегда общаемся на «вы». Но потом за кулисами, в какой-то доверительной беседе, после спектакля, я редко, но могу сказать «Коля» Николаю Петровичу Караченцову или «Олег» — Олегу Ивановичу Янковскому. Редко, но говорю. Они всегда меня называют по имени-отчеству. Так принято.

— Ваше наиболее сильное театральное впечатление за последнее время?

— Наверное, «Пластин»... Я имею в виду наиболее сильное впечатление именно от режиссерской акции. Я держал текст «Пластин» в руках и понимал, что тут нужно какое-то особое творческое вдохновение. Точно

так же, как я в свое время держал в руках текст «Взрослой дочери молодого человека». И потом, спустя время, думал, какое же это счастье, что я за нее не взялся. А если бы взялся, возможно, не было бы того замечательного театрального явления, свидетелями которого мы потом стали.

Что касается наших собственных постановочных планов, то реальный пьесы о сегодняшнем дне я пока не вижу. Буду репетировать «Последнюю жертву» Островского. У нас с Олегом Шейнцисом уже наполовину готов макет.

— «Ленком» часто гастролирует. Что дают вам эти поездки?

— Новое пространство, нового зрителя. У нас на гастролях в Риге, в Санкт-Петербурге некоторые спектакли стали выглядеть даже лучше, чем дома. Правда, у меня есть суеверие на уровне театральной мистики, что прежде чем играть в здании, надо по нему походить, посмотреть, какой там амфитеатр, как выглядит сцена. Освоение пространства — обязательный необходимый элемент профессии, и опытные артисты это знают. Приятнее, легче и интереснее играть в том месте, которое уже опробовано до тебя, в котором уже что-то происходило, нежели входить в новую бетонную коробку.

Перед гастролями мы стараемся выкроить дополнительный день на монтаж и на репетицию. Походить, посмотреть, пригласить, потому что артисты могут не вписаться в закулисное устройство. Я всегда этого боюсь, вспоминая те травмы, которые пережил Николай Караченцов в «Тиле» и в «Юноне и Авось». В последнем мы осваивали пластик и тот, очень непривычный, угол планшета, по которому двигаются актеры. Там были определенные серьезные технологические и психологические сложности.

— Ваши герои столь легко путешествуют во времени и пространстве, заглядывая по ту сторону земного бытия и общаясь с людьми, ушедшими из жизни, что направляется вопрос: а вы сами-то как-нибудь ощущаете поддержку Евгения Леонова, Григория Горина, Всеволода Ларионова?

— Да, на каком-то мистическом, очень личностном уровне. Есть такое. Особенно в те моменты, когда собирается вся труппа: остро чувствуется дух тех людей, фотографии которых у нас висят на стене в театре отдельно. Очень много они в эти стены вложили сил и времени.

— Спектакли сегодня играют и на стадионах, и в лифтах. В каком направлении, с вашей точки зрения, в ближайшие 50 лет будет двигаться современный театр?

— Во многих направлениях сразу. Многовариантность будет разрастаться. И будет разрастаться тенденция: театр будет существовать и в комнате, и на площади, и в ангаре, и на стадионе, и в таком пространстве, как «Ленком». Это — как в моде. Что модно? Помните, раньше можно было сказать, обратив внимание на какой-то элемент: «Это модно». А сейчас что модно? Трудно сказать. Можно обозначить лишь самые общие контуры.

— Что бы вы пожелали с позиции сегодняшнего опыта себе, тому, который пришел в «Ленком» тридцать лет назад!

— Хорошего здоровья и настроения. Это очень важно для меня. И еще уверенности. Чтобы эта уверенность передавалась ближайшим сподвижникам.

Елена КУРБАНОВА.

На снимке: репетиция спектакля «Школа для эмигрантов». Фото Г. НЕСМАЧНОГО.